

К ВОПРОСУ: КАКОЙ ЕПИСКОП НУЖЕН ЕДИНОВЕРИЮ?

Вопрос о епископе для единоверцев снова воскрес. В апреле текущего года ими, во главе с петербургскими, составлен проект, ниже помещаемый. Москвичи (одна лишь часть тамошних единоверцев), должно быть, по традиции восстали против доброго начинания и составили в конце мая свой. В пользу его, кроме составителей, вряд ли кто убежден из единоверцев. Викарные единоверческие архиереи – это мертворожденное дитя. Московский проект стараются, однако, поддержать статьей, которую мы и имеем в виду.

Автор статьи «Какой епископ нужен Единоверию?» говорит: «За последние 15 лет борьба со старообрядчеством принимает характер хитроумного дипломатического состязания». В виде доказательства этого он рассказывает, как при министре Горемыкине был издан известный циркуляр, благодаря которому думали через беглопоповщину нанести ущерб «австрийщине». Дипломатический проект обессилить старообрядчество взаимной борьбой, но в гораздо более грандиозных размерах, по словам автора, существует и в нынешнем году.

«В текущем году, – замечает он, – если верить “Новому времени” приезжал один миссионер в Екатеринбург к местным беглопоповцам. Он предложил им: “Выберите из своей среды лиц достойных, православная Церковь их рукоположит во епископов, а затем живите так же, как теперь; вмешиваться в вашу внутреннюю жизнь мы больше не будем”». Оба указанных проекта, один приведенный в исполнение, а другой еще нет, автор называет делом дипломатии, и притом плохой дипломатии. В последнем проекте, по словам автора, «не заметно мысли и желания честно и благородно столкнуться со старообрядчеством, есть только надежда, что новая иерархия вступит в бой с “австрийщиной” и обе, терзая друг друга, оставят в покое Православие и развяжут ему руки действовать исподтишка, по правилам английской дипломатии».

Напрасно автор названной статьи так мрачно говорит о миссии со старообрядцами за последние 15 лет. Где это он увидел «что-то ужасное, что-то нечистое, что-то слишком бюрократическое» в проекте приезжего миссионера в Екатеринбурге? Стремление беглопоповцев получить себе, по присоединении ко святой Церкви, единомысленного епископа – стремление исконное и вполне законное. Предложение миссионера лишь отвечает ему. Часть поповцев в 1846 году, как известно, приобрела себе за границей иерархию, а другая половина беглопоповцев до сих пор остается без епископа. Но это не значит, что она не хочет его. Она стремится иметь его, но не желает получить его таким образом, каким получила их братия Амвросия. О митрополите Амвросии до сих пор еще они не знают, как он крещен: погружательно или обливательно?

Мысль, что старообрядчество не есть истинная Церковь, так как не имеет трехчинной иерархии, тяготит совесть отделившихся от Церкви, и поповщинская секта со своими беглыми попами не может успокоиться на положении, созданном ею самой, что она будто есть истинная Церковь. Особенно это следует сказать о лучших представителях старообрядчества. В душах последних сильно заговорило теперь сознание несостоятельности старообрядческого отделенства, так поразительно проявившей себя в распадении на многие толки. Истинные ревнители старины крайне смущаются сомнительным положением поповщины. Они справедливо замечают ее последователям, что епископ составляет первую единицу в счете, без которой не может быть второго числа, что епископ по отношению к священству есть то же, что солнце по отношению к луне, которая светит заимствованным светом, что у поповцев, поэтому, нет собственной главы, а есть только чужая (епископы еретические), которая «како может иному трупу жизнь дати». Грамотные из старообрядцев, люди, всю жизнь сидящие над свято-чтимыми книгами, рано или поздно дочитываются, что *без епископа Церковь не Церковь, а самочинное сборище* (Гангрский Собор, 5-е и 6-е правила). Они приходят в смятение от многих слов Писания¹ и относительно себя говорят: «У нас нет епископа, стало быть, нет спасения».

Недостатки поповщины, не имеющей у себя ни таинства рукоположения, ни тайны миропомазания, так очевидны, что сами сектанты вряд ли увидели в предложении миссионера «что-то ужасное, что-то нечистое». Так кажется лишь одному автору.

Миссионер предложил екатеринбургским беглопоповцам то, о чем мечтали и помышляли еще их предки. «Кто ны воздвигнет долу лежащих? – зывали некогда из глубины души последователи поповщинского согласия. – Где образование горняго Сиона (т. е. Церкви)? Камо скрися от нас райская доброта? Где зайде от очей наших красота матери нашей? Где витает родшая нас? Где пребываеши питавшая ны? Несть руководящаго, несть пекущагося о пользе общей! Непопустует наша страна»².

Деятель миссии предлагал старообрядцам как раз «Божие дело», не внося в него «чего-то слишком бюрократического». Бюрократизма в предложении нет. Это лишь плод подозрительности г-на Сенатова. Здесь слышится, наоборот, дарование полной свободы. После выбора достойных лиц во епископов и посвящения их от руки православных архиереев, старообрядцам предоставляется жить «так же, как и теперь; вмешиваться в их внутренние порядки не будут».

В бюрократизме при святом деле можно, скорее, укорить вельможу XVIII в. князя Потемкина, а потом митрополита Платона, известного деятеля так называемого Единоверия.

В XVIII в. за разрешение старообрядческого вопроса взялся тогдашний временщик князь Потемкин и в «Божие дело» немало внес «мирского мятежа». В 80-х годах названного столетия возможность общения обществ, одного с другим, предстоятелям Русской Церкви предносилась в двояком виде: во-первых, в даровании старообрядчеству законной, самостоятельной иерархии, о которой просили стародубские старообрядцы, или, во-вторых, в простом присоединении старообрядчества к Православию, первого ко второму, под единым иерархическим чиномачалием. Но первый вид осуществления давно зарожденной возможности общения старообрядчества с Православием не был приведен в исполнение. Благодаря вмешательству князя Потемкина, он неестественно перешел во второй.

Обещавшись вместе с прочими дать стародубцам *непосредственно зависимо от Синода епископа*, князь Потемкин ввиду некоторых политических замыслов соединил Никодимов проект о даровании старообрядцам архиерея со своим проектом переселения просителей в Новороссию. При задуманном переселении тогдашнему решителю судеб России Никодимовы стремления представлялись более удобоисполнимыми.

Старообрядцы при жизни Никодима, может быть, сумели бы представить светскому правительству неудобство исполнения их ходатайства через переселение в Новороссию. Но, на их горе, иннок Никодим 12 мая 1784 года неожиданно скончался. После него они не могли докончить проекта воссоединения старообрядцев с Церковью, при даровании им особого епископа. Без него у них не хватило мужества переселиться в Новороссию, чтобы пользоваться плодами двух проектов: Никодима и Потемкина. Они просто решили: не соединять их. Отказавшись от Потемкинского проекта, они отстали от Никодимовского ходатайства. Не желая переселяться в Таврический край, стародубцы после смерти Никодима поставили дело примирения на новую почву. В 1787 году они подали в Синод прошение с 10 пунктами, в которых уже не было помину об особом старообрядческом епископе: просили одних священников, которые и были присланы в 1788 году.

Но, как и следовало ожидать, ввиду неуспеха Никодимового проекта, а отсюда большого соблазна по поводу неудач старообрядцев, рост «согласия» нельзя было назвать блестящим. Соединенцы из старообрядцев с Церковью ждали, что им дадут, кроме священников, еще единоверческих архиереев, но ошиблись в своих ожиданиях, чем охладили в деле единения и прочих старообрядцев³.

Не меньше дипломатии и бюрократизма проявил в деле Единоверия и другой его известный деятель – митрополит Платон. Император Павел I в 1800 году 27 октября своим указом дозволил, между прочим, православным, державшимся старых обрядов, причащаться Святых Тайн у единоверческого священника без всякого ограничения. Но вслед за таким Высочайшим актом являются пункты митрополита Платона, которые совершенно ниспро-

вергают Высочайшее дозволение. На подлинном прошении московских старообрядцев митрополиту Платону, не искаженном ни одним платоновским усечением и ограничением, рукою царя подписано так: «Быть по сему. Октября 27 дня 1800 г. Гатчино». Это прошение с надписанием Государя возвращено московским старообрядцам, принято ими, как полное утверждение предложенных ими условий соединения, как святыня, как вечный, государственный акт признания равночестности и равноправности старообрядчества и грекообрядчества, хранится при первой из единоверческих церквей в Москве. Но впоследствии появились так называемые пункты митрополита Платона, или мнения, оказавшиеся также Высочайше утвержденными тоже 27 октября 1800 г., которые ограничили прошение старообрядцев во многом, а в своих дополнениях сделали из Единоверия переходную лишь ступень к Православию.

О бюрократизме митрополита Платона в деле Единоверия говорит и сам автор разбираемой статьи. «Своими 11 (?) пунктами, особенно запрещением входить православным в старообрядческий храм и единоверческим священникам совершать требы для православных, он (митрополит Платон) разделил старообрядческие приходы с православным священством от Православия. Изобретенным им наименованием “Единоверия” он выделил эти верные Православию старообрядческие приходы в особую полусамостоятельную и полузависимую Церковь».

Вот где английская дипломатия!

Не в учреждении проектируемой в Екатеринбурге иерархии, а скорее здесь «не заметно мысли и желания честно и благородно столкнуться со старообрядчеством». Единоверцы просили, чтобы Св. Синод снял клятвы на священную древность, но митрополит Платон им ответил, что они «положены праведно, что и ныне не может быть о всем том иная Церкви мысль, разве какова ею доселе за истину признана и признается». Старообрядцы просили единения с Церковью при старых обрядах, но митрополит Платон оставил им обряды лишь на время. Их назвал соединенцами лишь только «на том надеянии», что со временем, оставив старый обряд, присоединившиеся примут исправленный. По праву каждой частной Церкви отечественный старый обряд обязателен для архипастырства, но архипастырство, когда Государь в лице Екатерины II (в 1783 г.) выразили было окончательную склонность дать старообрядцам епископа, успело ограничить эту свободу и уверить кого нужно и впоследствии, что «Единоверие» есть геркулесовы столпы, далее коих не должны выступать их правосудие и милость к старообрядцам. Соединенцы просили, чтобы православные архипастыри, по крайней мере в сношениях с ними, благоволили делаться старообрядцами; им как будто обещают это, но на первом же шагу нарушают обещанное, нарушают и до сих пор: многие архиереи и ныне не служат и не желают служить в единоверческих церквях по-единоверчески. Единоверцы и по соединении не намерены оставлять старые обряды; но им просят «просвещения от Бога», как блуждающим во тьме и сени смертной. Старообрядцы 1800 года желали быть чадами единой святой, соборной и апостольской Церкви, но их выделили в какую-то неслыханную и не имеющую смысла единоверческую Церковь. Признав просителей соединенцами, архипастыри поставили между собой и ими стену, назвав себя православными, а их единоверцами.

Сделавшись, благодаря митрополиту Платону, лишь переходную ступенью к Православию, но не самим Православием, Единоверие не только не примирило старообрядцев с Церковью, а больше лишь их вооружило против Церкви и особенно против себя. Соединенство из-за пунктов митрополита Платона немало вынесло вражды со стороны старообрядческо-несоединенцев. Про нее говорят бесчисленные по адресу Единоверия их памфлеты. Переходные состояния никогда никого не удовлетворяют.

Архипастыри православной Русской Церкви с течением времени старались было дать Единоверию более самостоятельное положение: дать кроме священников еще викарных епископов. Но такое расширение, *ставившее Единоверие по-прежнему в приниженное положение по отношению к Православию*, не отвечало запросам старообрядцев, оно говорило скорее о видах на Единоверие самого архипастырства, а потому, если бы осуществилось, не принес-

ло бы пользы. Мы говорим о проекте митрополита Платона дать единоверцам викарных архиереев.

Г-н Сенатов, а вместе с ним два-три десятка московских единоверцев (остальные единоверцы в Москве не согласны) решились подражать митрополиту Филарету. Они в своей петиции планируют, что единоверческие архиереи и в положении викария по отношению к православному областному удовлетворят старообрядцев, наметят путь, по которому можно прийти до единения с Австрийской иерархией. Митрополит Филарет сначала был действительно такого мнения, но потом сам же от него отказался, рекомендовав этим самым оставить свой план и его подражателям.

Московский митрополит Филарет для противодействия возникшей Австрийской иерархии послал тогда первенствующему и прочим членам Св. Синода следующее предложение.

1. Учредить в Московской епархии второго викария, с наименованием епископа Богородского (уездный г. Богородск имеет одну церковь со служением по чину единоверческому и наибольшее из всех уездов Московской епархии число раскольников).

2. Поручить ему особенно единоверческие церкви Московской епархии.

3. По усмотрению надобности и по удобству, можно поручить ему единоверческие церкви и некоторых ближайших епархий.

4. Пребывание его основать при существующей, благолепно устроенной церкви единоверческого в Москве кладбище, при котором есть и два двухэтажных каменных здания. Здесь устроить архиерейский дом и вместе единоверческий монастырь, по подобию Чудова.

5. Епископу Богородскому подчинить Богородское духовное правление, чтобы оно заменяло ему консисторию для единоверческих дел.

6. Разрешить ему, в виде опыта, по желанию прихожан часовен Рогожского богадельного дома, с согласия Московского епархиального архиерея, от одного до трех из заштатных священников, честного поведения, по наставлении в чине церковного служения по старопечатным книгам допустить совершать в часовне Рогожского богаделенного дома вечерню, утреню, часы, молебные пения, таинства покаяния, крещения, миропомазания, брака, елеосвящения, погребение и поминовение усопших, а также и в домах означенных прихожан.

7. Если прихожане часовен будут благоговейно слушать Богослужение, совершаемое такими священниками, принимать от них благословение, исповедоваться у них и если, по должном на исповеди испытании совести их, признаны будут достойными и получают разрешение грехов священнической молитвой и благословением, то в лице таковых отчуждение от православной Церкви можно признать прекратившимся.⁴

Из содержания предложения митрополита Филарета видится, что один из главных представителей Православия в царствование Александра II стремится, ввиду особенных тогдашних обстоятельств, учредить единоверческое епископство в качестве второго викариатства Московской епархии, с наименованием нового викария епископом Богородским. Этому единоверческому епископу можно, по мысли Московского митрополита, поручить единоверческие церкви не только Московской епархии, но и некоторых других ближайших епархий. Ему же следовало подчинить в качестве консистории Богородское духовное правление. Московский святитель указал и местопребывание новому епископу – это на Рогожском кладбище.

Мысль митрополита Филарета о возможности дать единоверцам епископа, однако, не одобрил первенствующий тогда член Синода митрополит Григорий [Постников]. Мысль о единоверческом епископе ему не была противна: «Единоверческого епископа сделать можно, и единоверцы довольны будут», – писал он митрополиту Филарету⁵. Но он не разделял блестящих ожиданий Московского архипастыря от исполнения его проекта. В дальнейших строках своего письма по поводу проектированного митрополитом Филаретом единоверческого епископства высокопреосвященный Григорий писал, что оно будет вредным для Православия, не оправдывает надежд, возложенных на него Московским святителем. Предположения эти Московского архипастыря могли оправдаться, но могли не оправдаться. В последнем

случае учреждение единоверческого архиерея могло быть, действительно, по словам митрополита Григория, даже вредным. Дело в том, что внимание старообрядцев этого времени было поглощено «австрийским» священством и нужды их, хотя кое-как, были удовлетворены рассыпавшимися среди них лже-архиереями и лже-священниками. При таком обороте обстоятельств единоверческое викариатство могло быть лишь запоздалым подражанием, притом неполным подражанием, которое вызвало бы среди последователей вновь явившейся иерархии невыгодные суждения о православной Церкви.

Все это сознавал и сам митрополит Филарет. «С мыслью владыки (митрополита Григория), – писал он к Обер-Прокурору Св. Синода А. П. Толстому, – что сие учреждение (речь про единоверческого епископа) не обещает успеха в отношении раскольникам, принужден согласиться и я»⁶.

Обсуждаемая частью москвичей и приведенная в статье «Миссионерского обозрения» петиция о единоверческих викариатствах списана не с проекта старейшего в г. Москве единоверческого священника о. Павла Пермского, а скорее с приведенного предложения митрополита Филарета. Между ней и этим [предложением] большое сходство, за исключением следующего. Высокопреосвященный Филарет называл будущего единоверческого викария Богородским епископом и поселял его на Рогожском кладбище, а единомысленники г-на Сенатова московского единоверческого викарного архиерея поселяют в Никольском единоверческом монастыре.

Митрополит Григорий отклонил проект митрополита Филарета как проект бесполезный, с чем согласился впоследствии и сам преосвященный Филарет. Малополезной должна быть названа и петиция единомысленников г-на Сенатова. Через осуществление их плана вряд ли можно столкнуться с Австрийской иерархией, вряд ли можно дойти до объединения старообрядцев с Церковью и до прекращения через это религиозной вражды среди единого русского народа. Через этот план можно лишь парализовать кого-нибудь, и то не всегда. Митрополит Филарет хотел через устройство единоверческого викариатства обессилить «австрийщину», но по совету преосвященного Григория оставил свой проект. Он не годен даже и для этого.

Единоверческие викариатства – это новая полумера на почве Платоновского Единоверия. Напрасно думают удовлетворить через нее старообрядцев. Старообрядцы желают несколько больше. Они хотят быть не на лестнице, не на крыльце к храму, а в самом храме, иначе сказать, стремятся быть равноправными чадами Церкви, наравне с прочими ее членами.

Что такое Единоверие вне пунктов митрополита Платона? Имеют ли единоверцы право согласно своему единению с Церковью быть истинными ее чадами и руководствоваться не викарными, а самостоятельными православными епископами, содержащими старые обряды? Попытаемся на основании понятия Единоверия разобраться в этом вопросе.

Единоверие, как простое понятие, есть единение в вере кого-либо с кем-либо. Противопоставляемое в России расколу, оно есть совокупность приходов Русской Церкви, единых с ней по вере, но разнствующих от нее в обряде. Единоверие есть отдел старообрядства, допущенный на основании единства в вере в общение с Российской Церковью. Иначе сказать, Единоверие есть примиренное с Русской и Вселенской Церковью старообрядство.

Православие есть правое исповедание Христовой веры, коим Восточная Церковь отличается от инославных западных исповеданий. По сравнению в России с Единоверием оно есть, во-первых, держание обрядов и богослужебных книг, исправленных Собором 1667 г., а во-вторых, совокупность держателей этих обрядов и книг.

Таким образом, в России внутри одного и того же восточного православного исповедания и в недрах одной и той же Христовой Церкви находятся два равно-православных обрядства с их хранилищами – богослужебными книгами: одно – Собором исправленное, а другое – бывшее до Собора и, относительно этого Собора, старое.

Оба обрядства равны по православности и одинаковы по древности.

Если бы в старом обрядстве и старопечатных книгах, согласно так называемым «жестокословным порицаниям», ныне заслуженно осужденным, была тень неправославности, то могла ли бы Русская Церковь их дозволить, благословить и принять читателей последних в свое общение? Если же в обряде нет ничего неправославного, то в чем может состоять его поврежденность, зачем он будет отделять от Церкви, ставить лишь около Церкви неотделимое от Православия Единоверие, зачем он станет чужим для святой Церкви? Старый обряд был в практике отечественной Церкви с незапамятных времен; разве цари Русской земли и святители Русской Церкви, бывшие до Собора 1667 г., были раскольники?

Старый обряд, говорят, не вполне совершенный! Но ежели в недрах Вселенской Церкви в разные времена и по разным местам это совершенство понималось неодинаково, то спор о нем не будет ли грехом церковного раздора? Старопечатные книги нисколько не хуже новоисправленных. Последние во многих местах очень неудачны.

Единоверие есть та же единая православная вера, и пребывание в Единоверии есть истинное и искреннее держание этой единой православной веры, равно и пребывающие в Единоверии, несомненно, истинно православные и истинно верующие сыны святой Церкви. Выясняя свои воззрения о тождестве Единоверия с Православием в противоположность убеждению некоторых, якобы Единоверие значительно разнится от Православия, Казанское собрание епископов 1885 года прямо, во всеуслышание засвидетельствовало, что *Православие и Единоверие составляют одну Церковь*.

Поэтому сколько несправедливости трактовать Единоверие как общество, которое не принадлежит к Русской Церкви, не входит в ее состав, а только состоит с ней в общении как полусамостоятельная Церковь.

Напрасно называют примиренное старообрядство единоверческой Церковью. Соединенство не называется Церковью ни в прошении стародубцев (1783 и 1787 гг.), ни в прошении московских соединенцев (1800 г.). Просители-старообрядцы в своих прошениях везде под церковью разумеют храмы или приходы и как бы предупреждают появившуюся впоследствии двусмысленность!

Итак, у старообрядцев-соединенцев есть церкви, т. е. храмы, приходы, общества; но нет Церкви, которую можно бы сопоставить с православною Русскою Церковью.

Единоверцы – те же православные, и предлагать им полузависимых викарных епископов для окончательного устройства их в полусамостоятельную какую-то Церковь по меньшей мере странно. Единоверцы имеют право не выделяться в полуцерковь, они имеют все основания быть в той же Церкви, в коей и православные, быть притом с епископом, единомысленным с ними и в обрядах.

Единоверцы во многих своих просьбах, подававшихся в разное время, стояли на вполне справедливой дороге, прося Св. Синод изъять из официального употребления самое название «единоведец» и «единоверческая Церковь» и в приходах, придерживающихся старины, предоставить право разрешать вопрос, какого обряда держаться – «нового» или «старого». Иного разрешения вопроса о старообрядчестве и не может быть. Вопрос о единении старообрядцев с Православием можно решить лишь на почве полного общения обрядств – одного с другим, чтобы оба обряда, старообрядческий и господствующий, не поглощая, не подавляя один другого, одинаково употреблялись на практике Российской Церкви. Г-н Сенатов напрасно считает проект почтенного о. Павла Пермского своим проектом. В своей петиции партия г-на Сенатова использовала лишь первый пункт предложения названного батюшки. Последние два оставлены ею без внимания. Между тем в них-то и решается вопрос полного миросожития обрядств – одного с другим. «Приходы с православным-старообрядческим населением, по 2-му пункту о. Пермского, из ведения консистории пусть перейдут к единоверческому архиерею. Причин отказывать им в этом нет. Церковь ничего не теряет, а только выигрывает, успокаивая совесть людей и давая естественное направление развития их религиозных чувств, их веры и их преданности Церкви». «В областях, где старообрядческое население преобладает, – говорит о. Пермский в 3-м пункте (справедливость передачи этих пунктов оставляем на ответственности г-на Сенатова), – епархиальный

архиерей может быть с правами и обязанностями единоверческого». Обо всем этом московская петиция ни слова. Она и не могла этого приводить. Широкий план намеченного единения старообрядцев с Церковью показался ей неудобноисполнимым: она свернула на прежний дипломатический путь объединения. Единоверие хотя и называется на словах тем же Православием, но устраивает его по избитому шаблону: в виде маленькой комнаты в доме. Такое разрешение исконного стремления старообрядцев иметь православную иерархию вряд ли говорит за то, что она относится к нему по-настоящему, как к своему собственному. В петиции москвичей сказывается как раз тот бюрократизм, который автор хочет видеть в проекте одного миссионера и который мы видели в планах Потемкина, в пунктах и дополнительных мнениях митрополита Платона и в предложении митрополита Филарета – дать единоверцам викарного архиерея.

Все это полумеры, и полумеры, не устраняющие притом и канонических затруднений. В епархиях, где по недостатку средств и ввиду небольшого количества единоверческих церквей (а таких епархий больше половины) нельзя будет устроить единоверческого викариатства, – кто будет там управлять Единоверием? Если православный епархиальный архиерей, то для чего составлен проект петиции, приведенной в статье? Для блага московских единоверцев и их кандидата! Если же будет управлять беспастушными овцами словесными единоверческий викарий из другой епархии, то какие на это у него права? Где правила, позволяющие епископу, да еще викарному, управлять несколькими областями?

Пора решить вопрос о единоверческом епископе честно, благородно, решить притом без тех канонических противоречий, какие выступают при учреждении единоверческого викариатства.

Могут ли некоторые единоверцы не печаловаться по случаю тех нестроений, какие они нередко видят около себя? Могут ли некоторые соединенцы почитать иных православных архиереев души свои полагающими за них, за своих овец, когда они как будто ласкают их, а у самих на уме – как бы покончить поскорее со старообрядчеством, окончательно разделиться с нелюбимым «Единоверием»? Могут ли иные соединенцы искренно и с горячностью веры и любви лобызать руки у некоторых епископов, уста которых нередко отверсты на них с благословениями и порицаниями? На основании прав, Высочайше им дарованных, они сами избирают себе священников, и конечно им сердечных, т. е. на непрременном условии быть единомысленными с ними по обряду. И эта единомысленность есть прямой долг не только священников, но и епископов, и не только в Единоверии, но и во всей Российской Церкви, не в одной Российской, но и во всем Православии. Догматы суть Божии, а обряд есть достояние каждого народа, в народе – каждой области, в области – каждого прихода (разумеется, чем больше дробление, тем малозначительнее обрядовые отличности). Но священники по иерархическому подчинению должны быть единомысленны так же епископу, как персты своей руке, что также обязательно требуется и дисциплиной Церкви, и духом ее внутреннего единства. У нас же, вследствие господства обрядоверия, находятся епископы, считающие старый обряд неправильным, поврежденным и никак Церковью не благословляемым, а только «благоснисходительно невозбраненным», невозбраненным только до времени, когда держатели его «со временем Богом просветятся», уразумеются, «возвратятся в правду покаянием» и в «ни в чем не разнствующее с Церковью приидут согласие».

Таким образом, единоверческие священники по смыслу их избрания обязаны почитать обряд единоверцев, а по смыслу иерархической зависимости – подражать своему епископу. Во избежание противоречия, единоверческий священник ставится в необходимость быть единомысленным или со своими, избравшими его себе в пастыря духовными детьми, в таком случае в деле религиозного сознания быть тайным противником своему епископу, или же быть единомысленным епископу и в этом случае быть неискренним со своими духовными детьми, готовым в своей душе презирать и духовных детей, и их обряд. В обоих случаях священник, служитель Бога Вышнего, стоятель пред Его святым престолом, совершитель очистительных и освятительных тайн, ставится в недостойное положение, ставится притом законом, дозволившим открытое держание старого обряда и подчинившим это держание

епископам, из которых некоторые не только не любят его, не только ополчены против него, но и в отношении свои к этому держанию вносят иной раз приемы той английской дипломатии, о которой начал говорить автор занимающей нас статьи.

Все это ненормально, и где же – в практике и законах Церкви (в известной ее части), Церкви, которая есть хранительница истины, которая чиста, свята и непорочна, как невеста Пренебесного Жениха.

Стремление во что бы то ни стало насильственно слить Единоверие с Православием и в обрядах и не давать, ввиду этого, особого при Св. Синоде единоверческого епископа имеет началом отрицание в пасомых прав иметь свои убеждения в делах веры и совести, а это с духом святой апостольской Церкви не вяжется. Что в иных приходах насильственным образом вводится исправленный обряд – об этом, к сожалению, говорят многочисленные факты. Пример тому Уральская область, самый г. Уральск. Говорим слово «к сожалению» потому, что Церковь не армия, чтобы от миллионов верующих требовать перемены в убеждениях своей совести с такою же готовностью, с какою полки по воле начальства принимают перемену в формах и приемах обучения. От миллионов верующих нельзя ждать такого же единообразия во всем, какое может быть достигнуто только в полковых формах. Да и полки имеют каждый свою форму, но эта разность единству армии не вредит нисколько. На основании исполненных духа Христова слов Казанского собора архипастырей 1885 г. пора принять за правило и основание, что единству Церкви не противоречит разность в церковном быте.

Что по духу святой апостольской Церкви пасомые имеют право держать свои убеждения в делах веры и совести – это воочию показала и 200-летняя история отечественной Церкви. Множество православных крестятся двуперстно и до сих пор. Между тем, сколько было на двуперстие гонений, начиная с Собора 1667 года. И вот, несмотря на соборные клятвы, на предисловия в Псалтирях и священнические присяги, оно не считается грехом церковного раздора, не считается ввиду прямого бессилия заставить креститься троеперстно.

Некоторые представители Православия, однако, чужды духа святой Церкви и глухи к голосу ее истории. Они во что бы то ни стало желают насильно прекратить старообрядчество в Церкви, лишив держателей его права на свою опору в лице самостоятельного единомысленного епископа. Противодействие некоторых православных ходатайству единоверцев охранить свой обряд через испрошение единомысленного им, зависимого лишь от Св. Синода епископа свидетельствует, к стыду века, об их предубеждении к своим братьям. На словах единоверцы признаются чадами единой, святой, соборной и апостольской Церкви, но на деле, как видим, не так.

Единоверцы и прочие с ними старообрядцы стараются охранить, благодаря самостоятельному, зависимому лишь от высшей духовной власти епископу, не двуперстие даже и другие обряды. Единоверцы, признавшие через акт своего присоединения единство Церкви при разности обрядов, в большинстве случаев не обрядоверы и не буквенники. Обрядоверов немало и среди православных. Единоверцы просят епископа не для торжества старого обряда. Они желают через епископа сохранить, во-первых, устои своей старой церковной жизни, устои, коим можно только соревновать, а не искоренять. Не троеперстное сложение, а неблагочинное стояние, неблагочинное вхождение в церковь и исхождение из нее, поклоны земные и повергание себя на колени там, где не только по чину не положено, но и положительно возбранено правилами святых отец, неблагочинное, неистовое изображение на себе крестного знамения, что св. Иоанн Златоуст называет маханием (в Прологе, слово на 18 апреля), коему маханию бесы радуются, – вот вины, по которым прихожане единоверческих церквей, привыкшие у себя к благочинному стоянию, благочинному вхождению и исхождению, желают обособления и в будущем.

Посмотрите на церкви православные. Там вместо святой иконы часто встречается картина, льстящая чувственности; в пении слышится утонченность, имеющая целию не служение Богу, а услаждение слуха; в стоянии смешанность мужского пола с женским; вхождение, стояние и исхождение неблагочинное: переходение с места на место, поглядывание во все стороны, откидывание то одной ноги, то другой, здравствование друг друга, осведомле-

ние о здоровье, о текущих делах и т. д. Называемый богомолец пришел в церковь, кивнул на иконы головой, помахал по пуговицам рукой, поглядывая по верхам и по сторонам, повернулся и вышел. Да и все вообще, услышав чтение или пение, по которому они знают близость конца службы, тотчас зашевелились и пошло брожение – одни еще молятся, а другие уже пускаются вспять, обращаясь спиной к священнику, в форме отпуста объявляющему благословение Божие предстоящим за поднятый ими труд стояния и за ту молитву веры, надежды и теплой любви, которую каждый из предстоящих, кроме, конечно, обратившего тыл, по мере дара принес Богу.

Не то в церквях единоверческих. Здесь в иконных изображениях видится строгость форм, приличная святости и важности изображаемых предметов; в пении степенность, приличная служению Богу и вместе безыскусственность и задушевность; мужской пол и женский стоят отдельно; входящий в церковь, став на место и отдав положенные по чину поклоны и поклоном же приветствие на обе стороны, стоит, не сходя с места, не обращаясь ни вправо, ни влево, держа ноги вместе, руки на груди, а глаза, устремленные на святые иконы. Не говоря о мужчинах, женский пол, родственницы и знакомые, становясь друг подле друга, как бы не узнают одна другую и отлагают до конца службы здравствование, целование и расспросы, столь у них обязательные. До отпуста никто не выйдет из церкви. Поклоны делаются там, где и какие положены уставом, и делаются всей церковью вместе, где один, где три, где в пояс, где в землю. Крестное знамение изображается твердо, на лоб, на живот, правое плечо и левое, и затем уж поклонение головы. При выходе из церкви, вместе со священником сделав положенные поклоны и на прощальный поклон в пояс пастыря своей пастве ответив ему земным поклоном, тогда уже каждый раскланивается друг с другом, подают руки и с места трогаются все вместе.

Сохранение в церкви монастырских устоев и в жизни домашней строгости нравов – тоже причина, по коей единоверцы, а за ними старообрядцы ищут себе самостоятельного единомысленного епископа. Кроме него, никто – ни викарные епископы, ни священники в нынешних единоверческих церквях – не в силах оградить Единоверие от посягательства на его церковный и домашний быт. Не сочувствующие Единоверию епископы есть и среди областных архиереев, и что могут сделать единоверческие викарии, так или иначе, волею-неволею зависящие от них?

Все здесь сказанное побудило даже московских единоверцев, среди коих ходила петиция, упомянутая г-ном Сенатовым, хлопотать о самостоятельном единоверческом епископе. Другая часть москвичей наравне с единоверцами других сел и городов 12 июля с. г. согласилась на проект с.-петербургских единоверцев.

С.-Петербургские, московские и прочие единоверцы России собираются просить самостоятельного единомысленного себе архиерея. А для того, чтобы последний через заведение Единоверием всей России не сделался подобным патриарху, каким делается любой из единоверческих викариев, проектируемых Сенатовым и К⁰, просители намерены хлопотать о подчинении единоверческих церквей самому Св. Синоду, а единоверческий епископ должен быть лишь его экзархом, заведующим от лица его Единоверием с помощью, может быть, нескольких – одного, двух викариев.

Вот содержание приготовленного прошения с.-петербургских, московских и прочих единоверцев.

*

Единоверческие приходы отличаются от православных приходов монастырским укладом церковной жизни. В них, например, очень живо чувствуется иноческое отношение настоятеля и братии. Прихожане, как и братия обители, избирают себе настоятеля и вместе с ним управляют своей приходской общиной. Налицо в этой приходской единоверческой общине и соборные монастырские старцы, избранные попечители, ближайшие советники ктитора и настоятеля храма. В единоверческих приходах, если благоприятствуют обстоятельства, блюдетя и дисциплина монашеская, высокое уважение к авторитету духовного отца, послушание его воле, исполнение его заповедей. В единоверческих церквях и само Богослуже-

ние совершается по иноческому чину, без опущений, с сохранением всех его подробностей, как он указан в Типиконе. В единоверческих храмах тот же порядок, каким отличаются монастырские храмы от прочих приходских православных великороссийских храмов.

Монастырь воздвигает дух благочестия, уничтожает же качественно и количественно дух нечестия. Дух благочестия более чем когда-либо нуждается в поддержке и своем укреплении среди Русского народа. Несчастливая война с Японией – явное наказание Господом русских людей за их беззакония. Религиозно-нравственное оскудение проникло и в нашу среду. Молодое поколение стремится так же, как и в православных приходах, совершенно освободиться из-под церковной опеки и жить по своей воле, а не Господней, святой.

Мы, нижеподписавшиеся, усерднейше просим сохранить указанное устройство единоверческих приходов, как некоторые оазисы в голодной благочестием пустыне. Болим душой и скорбим сердцем, видя распадение единоверческих приходов и их монастырских укладов жизни, наших верных охранителей молодого поколения. Некоторые единоверческие священники, поддерживаемые нередко своим епархиальным начальством, нарушают устой единоверческой-старообрядческой церковной жизни, разоряют нашу иноческую общинную жизнь, ослабляют дисциплину, искажают и сокращают наше Богослужение, одним словом, обезличивают наши приходы и лишают их того, чем они похожи на монастыри и чем они отличаются от прочих приходов Русской Православной Церкви.

Чтобы сохранить Единоверие – этого блюстителя старорусской церковной жизни, необходимо оградить единоверческие приходы от невежественной руки нарушителя, необходимо, как некоторую важную отрасль в делах Церкви, сосредоточить ведение единоверческими общинами в руках самого Св. Синода. По всей вероятности, не по одним лишь материальным расчетам подчинены самому Синоду так называемые ставропигиальные монастыри. Мы убеждены, что последние подчинены высшему духовному начальству потому, что желательно более надежною рукою охранять древние монастырские традиции, дух благочестия в знаменитых обителях.

Управление ставропигиальными монастырями самим Синодом не считается со стороны Св. Синода нарушением епархиальной власти епископов. Устройство иноепархиальных обителей монастырских подворий в городе С.-Петербурге не считается с точки зрения высшей духовной власти уничтожением прерогатив С.-Петербургского владыки-митрополита. Мы надеемся, что не будет посягновением на епископские права епархиальных архиереев и сосредоточение управления делами Единоверия в руках самого Синода.

Святейший Синод более компетентен в области Единоверия, чем епархиальный епископ. Многие епархиальные архиереи еще до сих пор смотрят на Единоверие, как на полураскол, как на переходную лишь ступень к Православию. Единоверие, по их мнению, лишь терпимо, а потому с легким сердцем искореняются его приходы, обезличивается их жизнь, хотя дух монастырско-общинного направления в области веры заслуживает иного отношения. Высочайшим указом от 17 апреля сего года дана свобода исповедания своей веры всем старообрядцам. Свобода по всей вероятности для того, чтобы то хорошее, что заключается в их убеждениях хотя бы в самой малой частице, росло и по мере своих сил создавало в русском обществе дух благочестия. Мы считаемся сынами православной Церкви (воззвание Св. Синода к единоверцам в 1900 году). Почему бы и нам не дать свободы для проявления той благодетельной силы, которая таится в глубине Единоверия, почему бы не дать ему быть не только тепличным растением, посаженным в 1800 году в тесные рамки митрополита Платона? Единоверие достойно, чтобы жить на просторе, и, как долго находившееся в неблагоприятных условиях, нуждается в изъятии из всей его прежней обстановки по управлению.

Есть миссия епархиальная, но в экстренных случаях есть миссия и синодальная. Единоверие для продолжения своего полезного существования нуждается в радикальных средствах. Епархиальное управление для него недостаточно. Епархиальные владыки тяготеют единоверческими приходами, игнорируют их, отдавая их вопреки Высочайшему указу от 5 апреля 1845 года и 6 пункту правил Единоверия в распоряжение духовных консисторий и общеправославных благочинных. Но православные благочинные и духовные консистории,

кроме бумажной тяготы, ничего не вносят в жизнь единоверцев. В своих указах и отношениях они повторяют давно отжившие представления о Единоверии (Указ Московской духовной консистории в начале 1905 года). Не оживляют единоверческие приходы и единоверческие благочинные. Они по большей части беспрекословные проводники взглядов на Единоверие своего епархиального епископа и его консистории, старающихся подогнать единоверческие приходы под уровень общеправославных приходов. Не лучше будет, если ему дать в некоторых городах викарных единоверческих епископов. Пример тому Самарская епархия. Тамошний викарный епископ живет в единоверческом Иргизском монастыре и считается архиереем, поставленным между прочим и для управления единоверческими делами. Оживления Единоверия в названной епархии, однако, нет. Одно лишь прозябание. Все единоверческие приходы, за исключением двух-трех, отписались от викарного единоверческого архиерея и приписались по управлению опять к епархиальному. Этим они засвидетельствовали то, что лучше жить в тепличном, но ровном воздухе, чем, правда, на более свободном, но часто меняющемся.

Подчиненные единоверческому викарному епископу единоверцы принуждены будут жить под влиянием двух, не всегда сходных направлений – епархиального архиерея и его викария, от него, однако, зависимо.

Потом, викарные епископы не могут управлять делами единоверцев других епархий. В каждой епархии, таким образом, придется просить архиерея, но это не по силам: в некоторых епархиях единоверческих церквей меньше десятка.

Засим, единоверческие викарные епископы ввиду естественной и вполне понятной из предыдущего бедности своих кафедр не займут такого положения, которое могло бы привлекать на их места выдающихся лиц.

Эти места не будут далее переходными к самостоятельным кафедрам, а потому будут заниматься людьми средними. Епископ, делающийся викарным единоверческим архиереем для того, чтобы с течением времени сделаться самостоятельным православным епископом, в глазах единоверцев потеряет всякое доверие и авторитет.

Единоверие, наконец, не столь нуждается в архиерейском единоверческом служении, в поставлении священников исключительно от руки единоверческого архиерея, сколь оно нуждается в однообразном управлении, невозможном при многих викарных архиереях. Единоверие более всего жаждет просвещенного архипастырского, авторитетного, неизменного и строго постоянного влияния на его духовенство, опустившееся до уровня простых требоисправителей.

Единоверческие викарные архиереи, набранные из необразованных единоверческих протоиереев, не произведут особенного подъема в Единоверии, не проявят необходимой в настоящее время инициативы в примирении со старообрядцами-отщепенцами и не обнаружат его зиждательной силы, заключающейся не в обрядовых его особенностях, а в устоях строго-монастырской благочестивой жизни.

Оживить Единоверие, поддержать в нем, для проведения в действительность, идеалы старо-русской церковной общины может только сам Св. Синод с его светлым взглядом на Единоверие, как то же Православие, но с некоторыми особенностями от прочих приходов Русской Церкви.

Единоверие страдает от своей разрозненности. Оно рассеяно по всей России. В каждой епархии каждый единоверческий приход занимает изолированное положение по отношению к другому единоверческому приходу. Нет ничего удивительного, что некоторые из них уже не имеют того привлекательного образа, какой они носят. По отдельности каждый из них не может отстоять и сохранить своего облика; при неблагоприятном в данном случае давлении со стороны епархиальной власти и ее органов он теряет его. Ввиду своего религиозно-нравственного разделения члены данного прихода охотно примыкают к общему течению приходской жизни. Но каково течение этой жизни, говорят события минувших и грядущих дней.

Единоверие нужно поддержать. Мы, единоверцы города С.-Петербурга, входящие в Синод с нашим ходатайством, а равно и единоверцы прочих городов и сел Российской Империи, имеющие войти с подобными же ходатайствами, всем своим существом чувствуем необходимость изъятия единоверческих приходов для их сохранения из ведения епархиальных архиепископов с целью подчинения их непосредственному управлению самого Синода и сосредоточения этого управления в руках особого единоверческого архиерея, которого просим для сего сопричислить к Синоду в качестве члена без епархии.

Дело, однако, не в одном учреждении. Успех Единоверия будет зависеть в той же мере и от лица, которое будет управлять Единоверием в зависимости от Св. Синода. Просим Св. Синод разрешить нам указать это лицо.

Монастырские устои жизни приятны народу. Чем делать народную церковь австрийскую церковь, пусть будет такую церковь общество единоверцев, церковь православная, возглавляемая самим Синодом через руки единоверческого епископа.

Смирненно припадая к стопам Вашего Святейшества, усерднейше просим Вас исполнить наше многовековое прошение. О епископе просили в лице инока Никодима в царствование Государыни Екатерины II. О единоверческом епископе прошено было и в царствование Императора Александра I. Благословенный в 1824 году обещал исполнить просьбу, но смерть его и следующее царствование далеко отодвинули это дело. Были ходатайства об этом предмете в царствование Государей Александра II и Александра III. В прежних прошениях, за исключением 1824 года, единоверцы просили или самостоятельную от Синода иерархию (1864 г.), или же викарных, бесполезных для Единоверия епископов (1890 г.), или хореепископа (1783 г.), упраздненного соборами. В настоящее время мы просим законного, мы просим руководителя для Единоверия, просим управителя ему, просим сосредоточить управление единоверческими приходами при Синоде. Военное духовенство хиротонисуетя от епархиальных епископов, но управляется по особым соображениям одним лицом. Соображения не меньшей важности заставляют просить однообразного, исходящего от одного лица управления и для Единоверия.

Усерднейше просим Ваше Святейшество, поддержите Единоверие не ради его обрядовых особенностей: двуперстия и проч., но ради того благочестивого настроения, какое живет в нем. Пусть оно блюдетя, как образец древних церковных устоев, образец, достойный соревнования и во всяком случае не уничтожения и постоянного искоренения со стороны многих из представителей епархиального управления.

Молим Ваше Святейшество, да будет, якоже просим.

С.-Петербург. 1905 года июня 3 дня.

Примечания автора

¹ Толкование 55-го правила апостольского; Слов. Симеона Солунского, гл. 77 [175]; Слов. Игнатия Богоносца [106] и др.

² Изв. Ист. Иоан. Ч. 4. С. 240 [101].

³ Записка о рус. раск. Мельник. С. 183 [138].

⁴ Собр. Мн. и Отз. Т. 4. С. 292–293 [202].

⁵ Письма Антонию. Т. 4. С. 137 [67].

⁶ Собр. Мн. и Отз. Т. 4. С. 306 [202].